

ДЪТСКІЙ САДЪ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ВОСПИТАТЕЛЕЙ

ПЕРВЫЕ СТРАНИЦЫ «ДЕТСКОГО САДА»

СТАТЬИ ИЗ ПЕРВОГО РОССИЙСКОГО
ДОШКОЛЬНОГО ЖУРНАЛА

А. С. Симонович

Я. М. Симонович

**Первые страницы «Детского сада». Статьи из первого
русского дошкольного
журнала (1866–1868 гг.)**

Серия «Детский сад – дебют в России»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63679087

*Первые страницы «Детского сада». Статьи из первого русского
дошкольного журнала (1866–1868 гг.):*

Аннотация

«Детский сад» – первый русский журнал, специально посвящённый дошкольному воспитанию. В книгу собраны статьи журнала для родителей и педагогов. Своеволие детей, детская ложь, самодеятельность детей, товарищество детей, гости и дети – так звучат некоторые из обсуждаемых в книге проблем, которые выглядят сегодня столько же актуальными, как и полтора столетия тому назад. С другой стороны, в книге представлены статьи, которые составляют обзор необходимых педагогических и организационных сведений для создания детских садов – так, как это виделось в XIX веке. Расставленные тогда

многие важнейшие акценты в организации «детсадовского» дела остаются актуальными и сегодня.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие от составителя	6
Вступительная статья первого номера журнала «Детский сад», 1866 г	9
Часть I	12
Воспитание матерей	12
О внешней среде при воспитании	24
Сцены из детской жизни	42
Любовь к нашим детям	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Я. М. Симонович,
А. С. Симонович
Первые страницы
«Детского сада».
Статьи из первого
российского дошкольного
журнала (1866–1868 гг.)**

© А. С. Русаков, составление, редактирование, 2020

© ООО «Образовательные проекты», 2020

ДЕТСКИЙ САДЪ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ВОСПИТАТЕЛЕЙ

Логотип журнала «Детский сад» в 1866–1868 гг.

Предисловие от составителя

Осенью 1863 года в Петербурге открывается первый детский сад. А менее трёх лет спустя появляется журнал, специально детским садам посвящённый.

Двадцатишестилетний детский врач Яков Миронович Симонович и его молодая супруга Аделаида Семёновна вернулись в Петербург после нескольких лет педагогических путешествий по Европе и открыли два «детских сада»: один настоящий, без кавычек (второй по счёту в российской столице) – и журнал, который вели ровно три года. Им же принадлежало и большинство статей в нём.

Цель журнала редакторы определили так: «Способствовать улучшению семейного и общественного воспитания в настоящее время. Вследствие этого журнал указывает на вредные стороны обыкновенного рутинного воспитания и предлагает меры к их устранению».

Потом журнал перешёл в другие руки, быстро утратил связь с идеями учредителей, а со временем и вовсе переименовался в «Воспитание и обучение». Но за три года его редакторы, похоже, сумели осуществить свой замысел – очертить круг важнейших тем, проблем и возможностей в понимании детства и общей культуры воспитания в детском саду. Трёхлетняя подшивка их журнала стала по сути первым фундаментальным трудом отечественной «детсадовской» педа-

гогической мысли.

Когда сегодня мы перечитываем собранные в эту книгу страницы статей полуторавековой давности, то обнаруживаем, что темы, разбираемые авторами как наиболее злободневные, оказались заботами вечными (лишь оборачивающимися разными своими гранями в разные десятилетия), проблемами, столь же актуальными сегодня, как и в тысяча восемьсот шестидесятые годы...

...В первом же номере журнала публикуется статья «Об успехах детских садов». Наконец-то известия о них доходят не только из Германии! В России детских садов уже шесть, из них три в Санкт-Петербурге: на Васильевском, на Бассейной и на Знаменской. Доходят слухи даже о том, что и в Америке открыты три детских сада...

Сколь удивительно, что трёхлетняя подшивка журнала «Детский сад» смогла стать первым фундаментальным основанием отечественной «дошкольной» педагогической мысли, почти ни в чём не утратив своей актуальности! Ведь это происходило в те годы, когда профессиональной аудитории ещё практически не существовало...

Более того, за три года в журнале был представлен едва ли не полный обзор необходимых педагогических и организационных сведений для создания детских садов. Журнал послужил важнейшим импульсом к развитию «детсадовского» движения в России и создал для него ту идейную и методическую базу, которая непоколебимо служила вплоть до револю-

ции. (А собранная позднее во многом на основе статей этого журнала книга Аделаиды Симонович «Детский сад» была общепризнанным главным дореволюционным педагогическим «дошкольным» учебником).

Собранные в этой книге статьи из журнала «Детский сад» – уникальное «зеркало» передовых педагогических представлений позапрошлого века. Всматриваясь в него, вы неожиданно для себя обнаружите, что не так уж много в тех представлениях будет «позапрошлого»; а куда чаще звучит то, что и сейчас обсуждается как насущное, злободневное...

Андрей Русаков

**Вступительная статья
первого номера журнала
«Детский сад», 1866 г**

**ДЕТСКИЙ САДЪ,
ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ**

ИЗДАЕМЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИМЪ И ДИДАКТИЧЕСКИМЪ

ОТДѢЛЕНІЕМЪ

ИЗДАВАНІЕМЪ

ДЛЯ

ПРОСВѢЩЕНІЯ

У нас на воспитание маленьких детей обращают мало внимания. Педагогические журналы и детские книги издаются для взрослых детей; детские сады, принимающие детей от 3–7 лет, находятся у нас только в зародышевом состоянии. Большая часть взрослых, имеющих попечение над детьми первого возраста, не знают, чем и как их занять, тяготятся ими и очень рады, когда дети поступают в школу.

Действительно, воспитание маленьких детей представляет много затруднений – и даже больше, нежели воспитание взрослых детей. Большая часть детей, поступающих в школу, уже сильно испорчены вследствие того, что дома на них не обращали надлежащего внимания. Взрослые обращаются в школу с требованием исправить детей. Одни просят вылечить ребёнка от непослушания, другие от упрямства, рассеянности и так далее. Не будем здесь распространяться о том, насколько удаётся школе исправление детей, об этом мы будем говорить впоследствии. Исправление от различных недостатков, разумеется, возможно и иногда удаётся, но несмотря на это, характер ребёнка продолжает развиваться по той уже основе, которая вызвана впечатлениями первых дней жизни.

Несомненно, что воспитание маленьких детей, дающее основание характеру человека, должно быть таково, чтоб не пришлось ставить школе требование о нравственном исправлении ребёнка, ибо это не дело школы; дело школы – обучение; она не может возиться с разными нравствен-

но-педагогическими явлениями. Ребёнок должен поступать в школу физически, нравственно и умственно здоровым и развитым.

Журнал наш займётся воспитанием маленьких детей, до школьного возраста; а так как со времён Фрёбеля детский сад сделался необходимым условием для воспитания маленьких детей, то главной его целью будет разъяснение воспитания детских садов и содействие к их распространению в России посредством практических указаний на работы и игры, которыми занимается детский сад. Вместе с тем, журнал не будет упускать из виду и домашнего воспитания, ибо последнее должно гармонировать с воспитанием детского сада, в противном случае оно парализует его благотворное действие.

(№ 1, 1866)

Часть I

«Детский сад» родителям о детях

Воспитание матерей

Чем больше живёшь, чем больше сталкиваешься с жизнью, тем больше видишь поступки людей и знакомишься с их воззрениями, тем настоятельнее чувствуешь потребность в конкретной реформе жизни вообще и различных её проявлений. Люди, трудящиеся для улучшения отдельных сторон жизни, встречаются на пути своём такие преграды, которые совершенно не вытекают из самого дела, а из отношений людей к этому делу. Все взгляды на воспитание детей, вырабатывающиеся со временем Локка, Руссо, Песталоцци и Фрёбеля, не могут быть на самом деле применены к жизни только потому, что матери не способны понимать эти мысли.

Всех педагогов, работающих с целью улучшения жизни, читают одни учёные, педагоги; матерям ничего не доступно: и всё, что великие люди проповедают для матерей, остаётся неизвестным и неприемлемым к самой жизни. Если даже есть матери, читающие того или другого учёного педагога-реформатора жизни, то

чтение это приносит им один только вред, но не пользу.

Причина очень простая: женщина, ничего не испытывавшая сама в жизни, не видящая и не знающая жизни, читая педагога-реформатора, усваивает себе одни выводы или цельные места мыслителя; но она не прочувствовала тех жизненных данных, на которых учёный строит свои мысли и выводы, вследствие этого она обречена на вечное недовольство жизнью, но у неё нет сил исправить самую жизнь и она даже не знает, что нужно делать для её улучшения.

Какие прекрасные мысли о воспитании высказываемые были даже в бедной русской педагогической литературе? Между тем жизнь представляет вам не только образцы рутинного воспитания, но она вся основана единственно на рутине. Напрасно всё пишется, напрасно истрачивается столько сил: все остаётся в одних книгах и в учёных головах, но до самой жизни ничего не касается, ибо приступить к самой жизни нет возможности, нет пути.

Единственные применители воспитательных мыслей к самой жизни, то есть женщины-матери, ничего, положительно ничего не знают. Жизнь для них не место деятельности; матери являются только слепым орудием людей, минутно на них действовавших по различным собственным соображениям. Влияние матерей на ход различных событий или на каких-нибудь полезных деятелей совершенно случайное, а если не случайное, то это происходит не иначе, как по увлечению какими-нибудь чужими мыслями, не выработанными

самую жизнь.

А разве современная женщина не способна понимать жизни?.. Постараемся разобраться, что необходимо женщине-матери знать из жизни, чтобы ей быть хорошей воспитательницей, и откуда она теперь почерпает свои сознания, чтобы удовлетворить этой цели.

Прежде всего, женщина-мать имеет дело с новорождённым ребёнком. Вышедши замуж, она не имела ни малейшего понятия о том, что ей предстоит делать. Новые чувства, следующие друг за другом после замужества, совершенно овладевают ею. Родился ребёнок. Мать не знает, что с ним делать, все познания, приобретённые в пансионе ли, в гимназии ли, оказываются никуда не годными, да они кроме того давно испарились, испортив предварительно мозг субъекта.

Тогда одна часть матерей (а мы говорим только о лучших матерях, желающих воспитать здоровых детей, светских женщин и других – мы не касаемся) поручают прямо ребёнка кормилице или няне, сами же он занимаются ревностно чтением различных сочинений по педагогике или по медицине. С жадностью поглощается одна книга за другой, в результате получается то, что мать убеждается в своём незнании и решается бдительно наблюдать за воспитанием своего ребёнка. Няня либо кормилица выкармливает ребёнка по-своему, подчиняясь только по-видимому учёному капризу барыни, отдающей приказание кстати и не кстати, прямо по рецептам из книг.

Прежде чем совершенно выкормился один ребёнок, на свет является другой, семья множится... Затруднение увеличивается с каждым днём... Мать, несмотря на лучшее делание, с тоскою видит, что дети делаются упрямыми, своенравными, недружелюбными, один начинает через чур поздно ходить, другой поздно говорить.

Одним словом выходит то, что совершенно не соответствует её идеалу, вычитанному из книги. Кончается тем, что мать, видя, что чтение не помогает, бросает книги, обращается за советами к людям опытным и старым, полагается на хорошую, опытную няню и проповедует неприемлемость книг к жизни.

Тут водворяются детские болезни. К детям приставляется (для сбережения физического здоровья) врач. Одно лекарство прописывается против другого и все средства окончательно производят людей слабых, ленивых, не живых...

И может ли в самом деле врач лечить или воспитывать детей? Его призывают в дом, ребёнок болен. Известные признаки бросаются в глаза, их он лечит. Через некоторое время врач видит, что лечивши эти признаки известным образом, он этим самым нанёс ребёнку другую болезнь; и вот начинается лечение от болезни, произведённой прежним способом лечения. Дело длится таким образом без конца.

Мать видит в нём действительно своего обожателя, ибо он действительно её делает «счастливой»; явно ребёнок болен, и явно он выздоравливает. Но, бедная, она не знает, что сам

врач навязал её ребёнку болезнь... Люди, выходящие из подобного воспитательного семейного дома, могут обыкновенно жить только в известных климатах и то, имея нетягостное занятие. И вот вам искатели выгодных мест в южных и растворенных климатах.

Может ли быть для ребёнка более нормальный врач, как сама мать? Мать, постоянно носящая своего ребёнка и не изучившая специально медицину, а только знающая жизнь, по-нашему, есть лучший врач для её детей, нежели доктор, изучивший много лет медицину. Врач, приходящий в дом, не может знать всех изменений в ребёнке, чтобы его лечить, мать же носящая сама своего ребёнка чувствует каждое биение его сердца, она знает, что в эту минуту ребёнок не так, как минуту тому назад. Она тотчас схватывает малейшую причину болезни, и не даёт никогда развиться болезни.

Доктор же является всегда при готовой болезни, причины которой он никогда не улавливает, ибо мать прибегающая к врачу никогда не улавливает причину, а врачу, не знающему жизни матери и её семьи, мудрено уловить причину и он по необходимости лечит признаки болезни. А это в свою очередь ведёт к необходимости непрерывно давать лекарство одно против другого.

Оказывается, что на первых порах, когда ещё ребёнок мал, мать не имеет никаких познаний. Всё, что она успевает узнать после замужества, ей положительно недостаточно, чтобы даже до трёх лет воспитывать детей.

Я не стану доказывать, что и после трёх лет мать не может воспитывать своего ребёнка. Достаточно вспомнить, что уже до трёх лет ребёнок подвергался стольким влиятелям, что все тело его приняло известный вид, известное сложение, то есть оно отличается тем что вообще называется индивидуальностью. Тут ребёнок начинает руководить уже матерью, уже он столько всосал в себе вредных неразлучных с ним элементов, что уже мать не может думать о том, чтобы дать ребёнку известное, ведущее к какой-нибудь цели воспитание, а заботиться как бы его довести хоть кое-как до обыкновенной карьеры.

И могут ли люди, подобным образом выросшие, принести хоть какую-нибудь пользу себе и обществу, среди которого они живут. Таков ли должен быть идеал воспитания? Явления из современной нам гражданской жизни могут служить ответом.

Такое ненормальное положение настоящих молодых лучших матерей зависит от ненормальных условий наших семейств. Прежде в древние времена, когда мать считалась воспитательницей, когда женщины веровали в своё призвание и предавались жизни своих детей, всякая девочка обучалась воспитанию в своей же семье.

Видя, как мать воспитывает своего ребёнка и, постоянно присматриваясь к жизни семьи, действительно-разнообразной, дочь выучивалась тому же самому. Сама семья выпускала опытных девушек, готовых быть хорошими матеря-

ми. Но с тех пор, как семейство стало жить по моде, принимать гостей и выезжать в свет на особых положениях, созданных модою, матери удалились от воспитания, и семья лишилась своего воспитательного свойства в отношении воспитания женщин.

Горевать, конечно, о том, что приходило – нечего, возвратится к прежнему не желательно, а нужно создать новые благоприятные для воспитания условия.

Первое такое условие есть устройство искусственной школы для матерей.

Если вся жизнь стала искусственною, то необходимо, чтобы отдельные элементы её не были выпускаемы; тогда только она будет походить на естественную и будет прочна.

Вот почему необходимо, чтобы женщины, желающие быть впоследствии матерями, прошли ту школу воспитания, которую они прежде проходили в семьях. Кроме того жизнь усложнялась, также совершенствуется; поэтому необходимо, чтобы школа воспитания, которую женщины будут проходить, соответствовала состоянию науки и требованиям современной жизни.

Посмотрим теперь, что нужно знать матери для того, чтобы она до трёх лет могла нормально воспитывать своего ребёнка?

Прежде всего, мы должны сказать, что мы смотрим на призвание матери совершенно как на специальность. Правда, до сих пор никто не готовится быть матерью,

а зато многих готовят в жены. Из пансиона или из гимназии девицы выходят прямо в свет; «выезды в свет» продолжаются средним числом три года. Если бы время было употреблено, как следует, то его бы совершенно было достаточно, чтобы девицы выучились быть хорошими матерями.

Всякой девице среднего сословия, желающей быть матерью, по нашему убеждению, необходимо по выходе из гимназии заниматься таким образом, чтобы она знала организацию ребёнка настолько, чтобы уметь следить за его развитием. Такое познание облегчит её труды. Многое, что совершается с ребёнком будет предвидено и стало быть никогда не будет пугать мать. Нормальное не будет казаться ненормальным, и наоборот.

Было бы хорошо, если бы существовало специальное заведение для матерей, когда бы принимались девицы от 17 до 20 лет. В таком заведении полезно было бы провести девице два года. Предметы изучения могли бы быть: на первом году – анатомия женщины и младенца, с физиологическими, химическими и физическими указаниями на процессы, совершающиеся в этих двух организмах. Все это должно по нашему изучаться не в книгах, а на деле. Второй год должен быть посвящён истории развития ребёнка и педагогике теоретической. Такое заведение для матерей, разумеется, должно было бы в себе вместить ещё школу, где бы матери могли на втором году практически присматриваться к воспитанию

детей. Врач не был бы неизменным атрибутом каждого дома. Такая мать редко нуждалась бы в лекарствах, а если бы и нуждалась, то в самых невинных, не вредящих физическому организму.

Педагогика полезна такой матери потому, что она при нравственном воспитании своих детей не руководствовалась бы слепым случаем, она, напротив, стала бы подчинять все условия жизни для нормального воспитания своего ребёнка. Если такой матери придётся руководить ребёнком и после трёх лет, то она всегда найдёт возможность. Она будет знать, как смотреть на жизнь. Она не будет слепо доверять тому или другому лицу по незнанию жизни, а напротив, сумеет пользоваться жизнью для своих целей.

Да не думает читатель, что мы проповедуем поступление женщин в университеты и академии и полноправность между женщиною и мужчиной. Никакое слово не защищено в настоящее время от крайнего его понимания. Действительно, женщинам до того нечего делать, что они по первому увлечению могут броситься изучать медицинские науки. Но мы совершенно этого не говорим, и если какая-нибудь мать, прочтя наши слова (и только) возьмётся изучать анатомию и педагогику, то мы совершенно этим результатом не будем довольны. Это было бы тоже минутное увлечение, которое не доведётся до конца.

Мы говорим о воспитательном заведении, признанном и

правительством и обществом. Только признанное заведение для матерей может действительно привести к утешительным результатам, одиночные выскочки могут вести к уродливым явлениям, именно в том смысле, что действительно достойная женщина, которая с любовью возьмётся за своё дело, найдёт многих подражательниц, которые возьмутся за дело по увлечению, и из дела серьёзного – выйдет одна эфемерная мода.

В подобном воспитательном заведении для матерей чувствуется громадная потребность в среднем сословии. Желательно было бы, чтобы лица, владеющие средствами взялись за дело новое и вполне праведное.

С другой стороны мы не проповедуем другой крайности: чтобы непременно все женщины изучали педагогику. Мы говорим только о женщинах, которые выбирают себе специальностью воспитание, но как известно, есть множество женщин, невыходящих совсем замуж или по своим личным качествам решительно неспособных заниматься воспитанием. Мы говорим только о женщинах-матерях, воспитательницах, а не вообще о всех женщинах.

Второе условие, необходимое для успешного воспитания детей в семействе – это самостоятельное положение в ней женщины. Много толковали о равноправности женщин с мужчинами, но нужно сознаться, что редко, редко можно встретить у нас семью, в которой бы женщина занимала достойное положение. Обыкновенно она подпадает деспотиз-

му, хотя иногда мелкому своего мужа. И странно, иногда кажется человек просвещённый, даже либеральный, а в семейной жизни он невыносимо деспотичен с женою и детьми.

Как часто приходится слышать от человека очень порядочного такие речи, обращённые к жене, занятой действительно воспитанием своих детей: «Ах милая, что это у нас за беспорядок в комнате, ты решительно даёшь делать детям все, что они хотят». – Так неужели запрещать бегать им по комнате? – «Я не знаю запрещать ли, только я знаю, что в других семействах есть дети, а порядок везде. Шш! Что это какой шум! Ты совсем не умеешь детей останавливать, я решительно не могу дома сидеть!» И супруг уходит из дома, оставляя в грустном раздумье свою жену с детьми, и вместо того, чтобы помочь ей в трудном деле, затрудняет его своими постоянными выражениями неудовольствия.

Бывает ещё хуже: мать велит сделать детям одно, а отец другое, мать за обедом настаивает, чтобы дитя съело своё кушанье и не даёт ему пока другого, ибо видит что в дитяти развивается просто каприз, а отец противоречит ей и даёт ему то, что оно требует. Да мало ли что бывает. Везде видна власть мужа над женою, за исключением тех случаев, когда муж тупое, бесцветное существо. Виновато в этом, конечно, дурное воспитание самих мужчин с одной стороны и неумение самих женщин держать себя хорошо в отношении к мужьям.

Если женщина, выходя замуж, будет предварительно вос-

питана в «заведении для матерей», предполагаемом нами, то конечно в её семье не может быть подобного разлада, ибо она нравственно и умственно будет равна мужчине и его грубые слова будут постоянно смягчены.

(№ 7–8, 1867)

О внешней среде при воспитании

Должно ли при воспитании пользоваться всеми плодами цивилизации?

Если при воспитании внешняя обстановка, окружающая ребёнка, есть один из важнейших влиятельных факторов, как мы имели уже не раз случай заметить, то разрешение вопроса, какова наилучшая внешняя среда в педагогическом отношении, имеет громадное значение. Хотя нельзя взять на себя задачу определить в точности и подробно педагогическую внешнюю среду, так как последняя зависит от тысячи неуловимых мелких обстоятельств, изменить которые не всегда в силах человека, но представить общую картину жизни, которая должна окружать ребёнка, возможно.

Несмотря на то, что жизнь человеческая дробится и переливается в бесконечно разнообразные формы, можно всякую жизненную обстановку подвести под одну из следующих двух основных форм: обстановка жизни может быть искусственная или естественная.

Во избежание недоразумения, придётся пояснить подробнее, что должно понимать под названием жизни искусственной и естественной, так как эти термины понимаются различно различными людьми, и нашлись даже толкователи, объясняющие, что Руссо, проповедуя жизнь естественную, хочет вернуть человечество к дикому состоянию. Считаем

нужным заметить, что наше объяснение будет касаться педагогического понятия об искусственности и естественности.

Невозможно поставить границу, где начинается искусственная и где кончается естественная жизнь, но говоря вообще, можно сказать, что естественная жизнь соответствует простоте, несложности предметов, действий, мыслей и чувств, окружающих человека; искусственность соответствует крайнему развитию цивилизации, сложной организации, стройному, но непонятному на первый взгляд механизму.

Если представить примеры, можно было бы назвать для естественного передвижения – ходьбу на собственных ногах, или для тяжести – перевозку в тачке, тележке и так далее, а для искусственного передвижения – локомотив, пароход, воздушный шар, телеграф.

Для ребёнка всё то естественно, что он понимает без объяснения, всё то, где он может связать причину с действием, с результатом; искусственно же для него всё то, что он не может охватить кругозором своего понимания, и причина которого, несмотря на всякое пояснение, не делается ему ясною. Дитя, ходящее или перевозящее стул, никогда не спросит: отчего я хожу, отчего стул движется, хотя оно и не понимает физической причины того и другого; но оно чувствует, что, передвигая ноги, оно проходит пространство и этого ему достаточно; при виде локомотива же даже в самом маленьком возрасте (стало быть совсем не от любопытства

и не от новизны впечатления, потому что встречает новые впечатления на каждом шагу и не удивляется им) дитя спрашивает: где же лошади? Скажите ему, что не лошади везут, а пар, покажите даже его, говорите что хотите и как хотите, всё-таки дитя до известного более зрелого возраста не поймёт явления передвижения локомотива. То же самое должно сказать о пароходе, воздушном шаре, телеграфе и о тысяче других предметов, плодов цивилизации.

Всё простое, понятное есть естественная среда для ребёнка, всё непонятное, сложное – искусственная среда. Отсюда не следует, что всё то, что искусственно, – дурно и вредно; рассуждая таким образом, действительно можно дойти до желания дикого, первобытного состояния человека. А мы далеко не этого хотим.

Развитие ребёнка идёт вперёд сообразно с его годами и со степенью труда и талантливости, которые окружающие его люди употребляют для того, чтоб подвинуть его вперёд. Следовательно то, что непонятно ребёнку в нынешнем году, может ему быть ясным в будущем году, через два года и так далее, когда дитя сделается зрелым, когда для него уже всё делается известным и понятным и когда, в смысле педагогическом, для него нет более естественности и искусственности.

Следовательно, окружающая среда должна для ребёнка меняться сообразно с его возрастом, постепенно осложняясь.

Это действительно так. Всё детство можно было бы разде-

лить на периоды, и для всякого периода назначить приближительную среду. Переходы, конечно, не могут и не должны быть резки, как вообще не резок рост и развитие ребёнка. Искусство воспитания заключается именно в том, чтобы ставить ребёнку всегда соответствующую его развитию среду, которая в состоянии развить его ещё дальше. Незнание и неумение воспитателей или родителей в этом отношении есть одна из самых вредных педагогических ошибок, и, к несчастью, более неисправимых.

Поставьте маленькому, слабому ребёнку слишком разнообразную среду, наводняйте её новыми предметами, запружайте его голову разными пояснениями того, что должно ему остаться неизвестным, и вы сделаете ребёнка умственно-слабым, рассеянным, несамостоятельным и в конце концов фатом. Напротив, держите его слишком долго в тесной не обновляемой среде, обставьте его предметами, над которыми невозможна никакая самостоятельность, и из такого мёртвого дома выйдет мёртвый, притупленный ребёнок, если, помимо желания родителей, не проникнет случайно в мрак неподвижности какой-нибудь посторонний, жизненный луч.

У нас в России тот и другой способ воспитания применяется в двух различных слоях общества. Первый способ – способ слишком раннего ознакомления со сложными предметами, больше предметами роскоши и цивилизации, царствует в богатом сословии, в аристократии. Второй способ

– мёртвой неподвижности царствует в том купеческом сословии, которое ещё не поддалось цивилизации. Известно, что между детьми коренных аристократов и коренными купеческими детьми существует огромное различие. Насколько первые подвижны, непрактичны (то есть поверхностны, ветрены), настолько вторые тупы, неповоротливы, неизменны в преданиях отцов. В женском поле это различие выражается ещё резче.

И странно было бы, если бы дети, окружённые с рождения красивыми бонбоньерками, разной обновляющейся мебелью, цветами, нарядными людьми и перезажавшие ежегодно из города на дачу и с дачи в город, выходили бы одинаковыми с детьми, заключёнными в комнатах, заставленных массивною мебелью красного дерева, никогда не сворачивающеюся с места, видящими в продолжении годов всё тот же неизменный, незатейливый и некрасивый порядок жизни и за всем тем выносящими ещё подавляющую суровость отца, парализующую всякую игривость, с одной стороны, и плаксивость или тоже деспотизм матери с другой стороны.

Спрашивается, какая среда должна считаться наилучшею для маленьких детей, начиная от 3 или 4 лет? До этого возраста дети знакомятся только с предметами внешней среды, и им должно позволить ставить их в какую угодно комбинацию – и больше они ни в чём не нуждаются. Но на четвёртом году пора ребёнку иметь какую-нибудь правильную, полезную для

него деятельность.

Приближение этого периода очень заметно в нормальном ребёнке; он часто скучает, не знает, что делать, любимые его прежние занятия уже не возбуждают в нём такого интереса, как прежде.

Скажите ребёнку: строй из кубиков, вырезай, он откажется, или нехотя возьмётся, но затейте какое-нибудь необычайное для него дело и позвольте ему участвовать в нём – и глазёнки его разблестятся от радости, во всех движениях проявляется энергия и бодрость.

Теперь вопрос в том, какие же это дела так нравятся маленькому, желающему работать ребёнку? Дела эти самые несложные с самыми несложными предметами, возможные во всяком доме, для семейства беднейшего состояния. Эти занятия суть те, которые называются хозяйственными в общезнании, но в сущности, это суть те процессы, посредством которых мы удовлетворяем нашим первым, насущным потребностям: потребностям голода, жажды, чистоты, удобства и так далее. Нет для маленького ребёнка лучшего занятия, нежели занятие по хозяйству.

Выполняя хозяйственные занятия, он серьёзно трудится, ибо труд его не пропадает даром, он приносит пользу ему самому и другим. Это не то, что строение из кубиков, разрушающееся ежеминутно, или разрезывание бумаги, которая бросается в печь, или плетение никому не нужных плетёнок.

Это совсем другое, и ребёнок отлично чувствует это. Исполняя хозяйственные занятия, он занят соответственным его силам и приятным ему трудом.

Механическая часть работы развивает его физическую силу, немеханическая развивает его сметливость, ловкость и способность целесообразной деятельности. Из таких хозяйственных занятий можно насчитать очень много.

В доме:

1. *Молоть кофе в мельнице может легко 3-летний ребёнок.* Не говоря о том, что это ему очень нравится, движение рукою вокруг оси развивает значительно силу мышц руки, а пересыпание кофе из ящика в банку – ловкость глаза и руки.

2. *Разливать чай в чашки, заваривать чай, мыть посуду, занятие очень доступное детям.*

3. *Выметать комнату, стирать пыль с мебели – также.*

4. *Стирать мелкое, тонкое бельё – также.*

5. *Обмывать и чистить коренья и овощи на кухне весьма любимое и доступное занятие для детей.*

6. *Класть подтопки в печь, в самовар – также.*

7. *Процеживать жидкости, протирать и так далее – также.*

8. *Месить тесто, резать его в лапшу и так далее – также.*

9. *Чистить медную лёгкую посуду – также.*

10. *Поливать горшки с цветами.*

На воздухе:

- 1. Расчищать дорожки от снега и накладывать его в кучи не откажется ни один мало-мальски порядочный ребёнок.*
- 2. Ухаживать за грядками, полоть, поливать, подвязывать.*
- 3. Срезать зрелые овощи и плоды.*
- 4. Посыпать дорожки, двор песком.*
- 5. Кормить домашних животных.*
- 6. Брать из колодца воду.*
- 7. Таскать скошенное сено в кучи.*
- 8. Смотреть, как молотят, сеют, пахут и так далее.*

Неправда ли, какое неисчерпаемое богатство интересных, полезных, приятных и развивающих занятий, и неправда ли, какое непонятное равнодушие до сих пор к этому, ни с чем не сравнимому, громадному педагогическому материалу.

Это равнодушие непонятно тем более, если принять к сведению, что невозможно приискать более подходящих и более благородных для подрастающего поколения занятий, как те, которые мы выше наименовали и которые возможны во всяком решительно семействе, в каких бы условиях оно ни находилось.

Одни крестьянские дети пользуются преимуществами этих занятий, потому что они всегда являются естественными помощниками своих

родителей в их домашней жизни; и потому нет ребёнка сметливее и ловчее крестьянского, разумеется, в своём деле, а не в изучении мёртвой азбуки и других таковых же наук.

Крестьянские дети, кроме работ в доме и в поле, видят ещё другие работы, недоступные для всех других сословий. Они видят, как делают обувь (плетут лапти), и сами плетут их себе; они видят, как готовят из овечьей шерсти сукна и как из них делают одежду; они видят, как возникает перед их глазами холст и бельё.

Можно ли внушить ребёнку более нравственные понятия и можно ли дать ему более самостоятельности и самостоятельности каким-нибудь другим способом, нежели приучить его с детства всё делать самому для себя?

По истине, нечего изумляться, что у крестьян встречаешь столько здравого смысла и столько честности; и если бы не эта всё подавляющая бедность, зависимость от природы и от людей, происходящая от ложной цивилизации окружающих и от прежних наших исторических условий, крестьянские дети должны были бы выходить самыми полезными и честными людьми.

Назвав приличный род занятий для детей, мы далеко ещё не исполнили нашу задачу. Надо сказать, каким образом дитя должно пользоваться ими. Положим, в семействе есть кухня, есть огород – словом, полное хозяйство, – всё прекрасно! Что же, вы

скажете ребёнку: ступай на кухню стряпать, или пойди вычисти мне подсвечник, или вымети комнату? Можно, наверное, сказать, но ребёнок посмотрит на вас удивлёнными глазами и напрямик откажется от любезного предложения.

Предположим даже, что он не откажется и пойдёт на кухню, но разве возможно его пустить в кухню, где командует грубая кухарка, которая, пожалуй, будет ласкова и льстива с барским ребёнком, но тем хуже ещё. Или горничная будет мести комнату и, по приказанию барыни, отдаст щётку дитяти, а сама будет стоять, насмешливо улыбаясь затеям барыни.

Понятно, что так вести нельзя воспитание детей. Неизменная педагогическая истина говорит: воспитатель должен быть неразлучен со своим воспитанником и должен во всём подавать ему пример.

Мать или воспитательница должна сама делать всё то, что она находит полезным, чтоб её ребёнок делал. Последний, видя взрослого за известным занятием, вызывается сам делать то же самое, и не нужно никакого приказания или просьбы со стороны взрослых. Великая польза в том, чтоб дитя само почувствовало желание что-либо выполнить, а чтоб его не гнали ежеминутно от одного дела к другому.

Хозяйственные занятия, кроме вышеизложенных педагогических преимуществ, имеют ещё то преимущество, что

они всегда возбуждают желание ребёнка участвовать, и, не продолжаясь слишком долго, увенчиваются всегда успехом, то есть конечным результатом и применением к жизни, не утомлять детей и поощрять их закончить, довершить начатое дело.

Дети бедных семейств потому не любят исполнять хозяйственные занятия, что их заставляют делать, не дожидаясь свободного их желания, и потому ещё, что гнёт нужды пробивается ежеминутно в обращении взрослых. Раздражённые речи слышатся часто в бедных семействах и, разумеется, внушают не любовь, а ненависть к хорошему делу. Идеалом их делается – скорее избавиться от работ, держать прислугу и так далее.

– Так как же? – спросят состоятельные матери маленьких детей, неужели вы нам советуете самим стряпать, убирать комнаты, стирать и не держать прислугу! И для чего! Для того, чтобы воспитывать детей по какому-то вашему идеалу.

Признаюсь, что подобные дерзкие мысли питаются мною. Но спешу также признаться, что я никак не думала оскорбить этим наших матерей. Ибо я себе никак не могу представить, чтоб наши состоятельные женщины могли предаться таким дрызгам, как домашнее хозяйство, даже если это ведёт к благу их детей, но, тем не менее, я позволяю себе считать идеалом матери такую мать, которая не любя вовсе хозяйничать и не из видов экономии занимается хозяйством со своими детьми для того, чтоб развить в них здоровую, разумную

деятельность. Дети счастливы, ибо они всегда деятельны и не предоставлены самим себе.

В каком хозяйстве дети не берутся самопроизвольно за какое-нибудь хозяйственное дело? Положительно, я думаю, ни в одном! Но в одном семействе им говорят: уберите, не трогайте, это не ваше дело! В другом их заставляют делать не вовремя и через охоту и без участия взрослого, что внушает отвращение к делу. Но как должно быть хорошо в благоустроенном хозяйстве, где есть достаток и где образованная мать воспитывает, хозяйничая, своих маленьких детей!

В таком хозяйстве нет много прислуги, которая всегда вредит воспитанию детей. Конечно, в таком семействе многое должно быть усовершенствовано. Ибо все наши хозяйства приспособлены для прислуги и отличаются крайней неряшливостью. Понятно, что если детям бывать ежедневно некоторое время на кухне, она не должна быть отдельно на дворе; понятно, что она не должна быть грязная. Если детям мыть посуду, она не должна быть драгоценная, чтоб случайно разбитая чашка не обходилась слишком дорого. Если мать должна вместе с детьми убирать квартиру, понятно, последняя не должна быть анфилада парадных комнат, а должна состоять из нескольких чистых и не загромождённых комнат. Стирать, понятно, нельзя много белья, а только детское, что детям очень полезно, ибо они видят, как загрязнённая ими вещь выходит чистою, и сколько труда стоит, чтобы при-

вести её в чистоту.

Это приучение их к чистоплотности скорее, нежели выговоры за неряшливость. Но ведь необходимо присутствие матери! Предоставьте им самим воду, бельё, мыло; они сами зальются, зальют пол и ничего путного не выйдет.

Не станем высчитывать всех изменений, которые должны произойти с нашими хозяйствами для того, чтоб могли заниматься саморучно матери с детьми. В наших хозяйствах сильный недостаток в чистоте и в обособлении. Кто видал заграничные хозяйства, тот хорошо чувствует это. Там кухня не отличается от остальных жилых комнат и все принадлежности хозяйства устроены так удобно и хорошо, что можно, не запачкав руки, приготовить обед, затопить печь и так далее.

До которых же пор должен ребёнок заниматься хозяйством? До тех пор, пока он настолько разовьётся, чтоб уметь наблюдать более сложные явления природы, и когда эти наблюдения, или, другими словами, когда учение, займёт большую часть его времени. Тогда и мать-воспитательница должна бросить свои хозяйственные занятия и должна следовать по одному пути с воспитанником-сыном.

– Как это всё скучно! Как глупо! – восклицают читательницы-матери. – Все толки одни о детях, всё о них и для них! Где же наша жизнь? Когда же нам пожить, ведь этак вся молодость уйдёт в возне с детьми.

На это вполне справедливое замечание не берусь отве-

тить. Это дело не моё, а тех матерей, которые выходят замуж и имеют детей прежде, нежели они успели сами пожить и порадоваться.

Изложив наш взгляд на воспитание детей в известном возрасте, мы рискнули, что не только сами матери будут против нас, но и вообще все просвещённые люди. Как же, могут нам сказать, цивилизация всё идёт вперёд, все отрасли человеческого знания продвигаются вперёд, а между тем вы проповедуете какую-то древнюю, отсталую манеру хозяйничать.

Разве вам неизвестно, могут нам сказать, что скоро будут везде стирать не руками, а машинами, сушить и гладить будут машины, нагреваться будет воздух не печами, а сжатым воздухом; кушанья готовить будут посредством пара, что скоро люди будут жить ассоциациями в больших домах, что раздробленных семейств не будет и, следовательно, матери никак не будут заниматься со своими детьми хозяйством, так как хозяйство будет одно большое, а матери будут сами трудиться по различным отраслям труда, а дети будут несколько вместе под руководством одной воспитательницы и так далее. Неужели вы не признаёте полезными все эти усовершенствования, неужели вы так отстали, что стоите за настоящий способ ведения хозяйства, когда уже у других народов, у американцев и у англичан, хозяйства значительно преобразованы!

Что же делать? Я всё-таки признаю неусовершенствованное, старое хозяйство идеалом для вышеизложенного слу-

чая, для воспитания маленьких детей.

Представьте себе жизнь маленького ребёнка в цивилизованное вполне время. Он живёт в огромном доме, где ужасно много людей. Кругом него много детей, и он не то что сходится с ними на два-три часа в день, но он спит, ест с ними; непрерывно, следовательно, слышит вокруг себя шум и гам, неразлучный с массою детей. Такой ребёнок никак не может сосредоточиться ни на минуту сам в себе; его постоянно развлекает и отвлекает невольное присутствие других детей.

Далее представим себе жизнь такого ребёнка. Он встаёт, ему приносят кипяток и кусочек твёрдого молока. Он кладёт кусок в кипяток и получает молоко, которое выпивает.

Потом все ставят посуду под краны. Открывают один кран и вода начинает течь по посуде и промывать её. Потом открывают другой кран: выходит теплота и вмиг высушает посуду.

Дитя чувствует в самую жестокую стужу приятную теплоту, ибо теплота является из каких-то отверстий, непонятно для него откуда. В комнате сор, пыль; вдруг поднимается откуда-то ветер и сметает куда-то, неизвестно, пыль.

Приближается время обеда. Все садятся за столы. Вдруг пол раскрывается и поднимаются на блоках разные блюда, изготовленные не на огне, а на сжатом воздухе. Все кушают, ставят посуду на машину, и она опять исчезает под пол и не

остаётся следа от обеда.

Ему нужно сойти с высокой лестницы: он садится в тележку, прикреплённую к машине, и вмиг спускается вниз.

Растения орошаются искусственным дождём.

Всякая одежда и бельё шьётся машинами, и дитя никогда не видит, как шьют рукою, иглою и как из сырого материала выходит готовая одежда и так далее.

Каково же ребёнку вырастать в такой искусственной среде, чем восполнить его жажду деятельности? Чем эта среда отличается от губительной среды, окружающей наших детей в современных больших пансионатах и институтах, где обстановка так бедна, казённа, где всё достаётся воспитанникам уже в готовом виде, а они не знают, откуда и как что берётся?

Неужели ещё не достаточно убедились, что эта-то бедность предметов и действий заставляет направлять бедных детей все желания и стремления к чувственным наслаждениям. Ибо нет здоровых, физических занятий.

Скажут, что можно детям показывать машины и так далее. Помилуйте, какую пользу приносит маленькому ребёнку смотреть машины, в первый раз его, пожалуй, позабавит вращение колёс, но ему нужна деятельность, какую же вы ему дадите деятельность помимо хозяйства?

Если кто-нибудь потрудится мне указать на такую деятельность, я откажусь от своего изложенного идеала.

Ещё для тёплых стран можно допустить, что дети весь

день находятся на воздухе, играют песком, рвут цветы, травы и так далее, но что делать нашим бедным русским детям, замкнутым полгода в доме. Чем наполнить их жизнь? До сих пор её наполняют или ничем, и дети шатаются со скуки из угла в угол, или её наполняют науками и дитя тупеет и слабеет.

Я знала одну мать, которая меня просила посоветовать, что ей сделать с её 8-летней дочерью. Девочка скучает, ничем не хочет заниматься, а учиться ей доктора не велят. Мать себе ломала голову, приискивая занятия дочери и приходила в отчаяние, ибо дочь ничего не занимало. Она её посылала в детский сад. Вернувшись домой, девочка до самого вечера, когда было уже пора спать ложиться, ничем не занималась, а болтала разные глупости. А у неё были куклы, картонажи и разные игрушки.

Расспросив о детстве девочки, я убедилась, что она не была направлена к деятельности от 4 до 8 лет, она играла на свободе своими игрушками, никто ей не мешал, никто ею не занимался, и вышла разочарованная особа 8-ми лет, с постоянно скучающим лицом, не знающая, что ей делать.

Я думаю, что такая участь предстоит многим детям, не пользующимся в детстве полной, здоровой деятельностью, а таковую, по-моему, могут доставить только занятия в доме и в поле под руководством воспитателя, и поэтому, я думаю, что если человечество дойдёт до высшей степени цивилизации, нормальное воспитание маленьких детей будет требо-

вать, чтоб их окружало простое хозяйство, а то придётся ребѣнку, пьющему твёрдое молоко, в школе говорить о корове, о том, что она даёт молоко, что это молоко сгущают. О топлении, варке, стирке пришлось бы точно так же говорить в позднем возрасте, согласитесь, что лучше научиться всем этим вещам раньше из самой жизни, нежели позднее из книги. Эта-то жизнь, которая обучает детей на самом деле многому, это и есть естественная жизнь.

Заклучим нашу статью выводом, что некоторые прекрасные успехи цивилизации, благотворные для экономических целей, расходятся с педагогическими целями, и мать всегда должна оставаться матерью.

(№ 5–6, 1868)

Сцены из детской жизни

- Родители приводят своего четырёхлетнего мальчика в школу. Несмотря на ласки воспитательницы, на разные её вопросы, мальчик пятится от неё, не отвечает и не даёт своей руки. «Он у вас верно большой дикарь?» – спрашивает воспитательница. – «Какой дикарь, отвечают родители, такой бойкий, никакого ладу с ним нет, а это мы ему дома сказали, что ведём его в школу, где его будут в угол ставить, он боится вас».

- Девочка идёт по комнате, спотыкается на пороге и падает. На её плач прибегает мать, поднимает её, смотрит, нет ли крови или ушиба на лице. Потом достаёт розгу и наказывает ней ребёнка. «Зачем вы её бьёте?» – спрашивает присутствующее лицо. – «Чтоб она знала, что если ей не больно, плакать не нужно. Она меня так напугала! Я до сих пор вся дрожу, у меня и так нервы расстроены, а от этого испуга непременно мигрень будет. Она упала, а мне больше вреда сделала, нежели себе».

- Кучка детей стоит у входа одного общественного сада, который открывается в известные часы, но ещё не открыт. Несколько лиц гуляют в саду, попавши туда случайно. Одна семилетняя девочка говорит своей няне: «Няня, няня, знаешь, почему их впустили туда. Они дали сторожу на водку и он им открыл сад».

- Одна мать крикливого ребёнка, вместо того, чтобы отучить его совсем кричать и устранить причины, заставляющие его плакать, всякий раз, когда дитя кричало, приводила его в молчание, прикрикивая сама на него. Один раз дитя расплакалось; мать, желающая его остановить, закричала: «Ваня, не кричи!» Другой двухлетний ребёнок, бывший тут же, перенял совершенно манеру и тон взрослого и также крикнул: «Ваня, не кричи!» Логичное ли это обращение – желать уничтожить зло таким же злом? Не значит ли это, не только не отучить одного делать дурно, но и приучить других своим примером поступать также дурно?

- Трое детей играли: одна представляла хозяйку дома, другой хозяина, а третий – кухарку. Игра была оживлённая. Среди игры ребёнок, представлявший кухарку, говорит ребёнку-хозяйке: «Да ты, Маша, совсем не умеешь играть, ты не настоящая хозяйка. Ты должна меня бранить, как мамаша кухарку».

- Дядя приехал в гости и дети принесли ему свои игрушки и радовались. Стол был покрыт картинками, лошадками, книжками. Скоро затем пришёл отец и, желая сесть к столу, сказал детям: «Ну, дети, возьмите ваши игрушки отсюда, натаскали всякую дрянь, скорее убирайте всё это...» Один бойкий восьмилетний мальчик на это ответил ему: «Если это всё дрянь, зачем же вы это нам купили, папаша?»

- Один пятилетний мальчик, потерявший во время продолжительной болезни вкус к кушаньям, отправился со своей матерью в гости на летний сезон. За первым

обедом подали суп, который мальчику не понравился, он тотчас объявил, что суп не хорош и что он не хочет есть. После обеда мать прочла ему наставление о неприличии говорить подобные вещи за чужим обедом.

На другой день подали другой суп, хозяйка дома сказала мальчику, что сегодня суп хороший и что он ему верно понравился. Мальчик съел несколько ложек и отставил молча тарелку. Хозяйка спросила его изумлённо, неужели и этот суп не хорош? «Да, – ответил мальчик, – суп так хорош, что мне жалко его есть».

(№ 2, 1866)

Любовь к нашим детям

Чувство любви родителей к своим детям есть одно из самых законных и естественных чувств человеческой природы. Чувство это одинаково присуще народам диким, как и народам цивилизованным. Мы не беремся анализировать здесь причину и развитие это чувства, это психологическое исследование завело бы нас слишком далеко, скажем только, что родительская любовь в отношении к их детям обнаруживается следующим образом: родители, любящие своих детей, желают, чтобы последним было хорошо, чтобы они были счастливы, не только в то время, когда они ещё находятся под их руководством, но и после их детского возраста, когда они сами становятся взрослыми и самостоятельными. Из этого следует, что степень любви родителей к детям может измеряться поступками их относительно последних. Чем более поступки родителей лишены эгоистических целей, а имеют целью счастье детей, тем более родители любят своих детей. Чем больше родители выносят лишений, страданий из-за детей, тем сильнее, возвышеннее любовь их.

Поэтому любовь родителей, отказывающих себе в куске хлеба, ради своих детей, имеет несравненно большее значение, нежели любовь блаженствующих в роскоши и изли-

шестве родителей, осыпающих своих детей разными драгоценностями. Всё это очень хорошо известно и твердится очень часто в различных вариациях и поэтому воспитательные меры, предпринимаемые родителями из любви к своим детям считаются до того непогрешными, что не подвергаются обыкновенно ни малейшему обсуждению.

Тем не менее, взглядыываясь ближе в отношения родителей к детям, обнаруживается многое, совершенно не соответствующее много воспитываемой родительской любви. Очень хорошие во всех остальных отношениях, родители поступают иногда так в отношении к своим детям – что не только не содействуют их счастью и благосостоянию, но, напротив, делают их самыми несчастными существами.

Читатель ошибётся, если подумает, что мы намереваемся говорить здесь о тех, относительно весьма редких случаях, когда родители или один из них не любят или просто ненавидят своего ребёнка вследствие самых незначительных и случайных причин, например родилась девочка тогда, когда ожидали мальчика и наоборот или по причине уродливости, некрасивости, неловкости ребёнка и тому подобное. Такие случаи выходят из обыкновенного порядка вещей, а мы намереваемся говорить здесь об обыкновенном обращении родителей с детьми в настоящее время.

Наше обыкновенное, рутинное воспитание, начиная с самого рождения дитяти, такого, что ведёт, как оказывается при внимательном наблюдении, не к благу и к счастью вос-

питуемого ребёнка, а к результатам совершенно противоположных.

Родится ребёнок. Его тотчас сковывают в пелёнки до 3, 4 и даже больше месяцев. Как только ребёнку минуло 6 недель, иногда ещё раньше, он уже не любит пеленаться и сильно кричать при процедуре связывания рук и ног. Очевидно, он недоволен, ибо протестует криком, но любящие родители возражают на это, что будущее здоровье и благо дитя зависит именно от пеленания его рук и ног, в противном случае, если они останутся несвязанными, ноги будут кривые вследствие чего ребёнок долго не будет ходить, а руки следует связывать потому, что ребёнок глуп, попадает им в лицо, царапает себя и пугается сам движений своих же рук и спит поэтому беспокойно. Неопытного в деле ухода за детьми подобные аргументы легко могут сбить с толку и он должен будет согласиться с ними, удивляясь предусмотрительности и нежности любящих родителей.

В сущности же оказывается совсем не то. Ноги ребёнка никогда не кривятся оттого, что их не пеленают и дети, неспеленанные с самого рождения, всегда начинают ходить раньше, нежели те дети, которых долго пеленали. Доказательством этому служат те страны, в которых исчез глупый обычай пеленания. Для того, чтобы дети не царапали себе лицо руками, существует способ несравненно более простой и безвредный нежели связывание рук, а именно частое отрезание ногтей; что же касается пугливости детей, то мы уже

в другом месте сказали, что ребёнок в известном возрасте, пугаться не может, ибо он ничего страшного ещё не знает, а произвольное сокращение всего тела ни в каком случае вредить не может. Поклонники пеленания имеют в запасе ещё один на вид важный довод, что нельзя перестать рано пеленать детей, ибо ни сами желают быть спелёнатыми и иначе не засыпают. Это так же верно как верно то, что женщины приученные с детства стягиваться в корсеты, уверяют, что они не могут оставить свои корсеты, не смотря на их желание: они чувствуют боль в спине, неловкость и так далее. Такие женщины – уроды, для них сделалось нормою стеснение дыхания и дети любящие, чтоб их связывали, также – уроды, они никогда не знали свободы и новизна этого чувства нарушает обыкновенный ход их жизни. Но, вероятно, многим приходилось видеть, здорового, несвязанного младенца, спящего спокойно и безмятежно, не хуже связанного самыми образцовыми свивальниками ребёнка. Стало быть детей мучают совершенно даром, связывая ему руки и ноги, ибо никакого блага им от этого в будущем не предстоит, а напротив вследствие этой причины, они долго не научаются ходить.

Далее: принято вообще маленьких детей одевать очень тепло для того, чтобы, по словам родителей, не простудить их. Оказывается, что не смотря на всё укутывание, дети всего чаще заболевают от простуды. Это понятно: чрезмерно тёп-

лая одежда приучает кожу к теплоте и малейшая перемена температуры, сквозной ветер, задерживает отправление кожи, испарину; предохраняет постоянно ребёнка от прикосновения к нему холодной атмосферы положительно невозможно и вот ребёнок заболевает вследствие вины родителей, ибо если бы кожа его первоначально не была приучена к чрезмерной теплоте, он бы безнаказанно выдержал прикосновение холодной температуры.

С укутыванием детей тесно связана другая общепринятая, воспитательная мера, имеющая в виду опять таки благо дитяти и производящая совершенно противоположное действие. Никакая комната не предохраняет столько от свежего открытого воздуха, как детская и, замечательно, чем меньше питомцев, тем больше боятся пропустить к нему струю свежего воздуха. Весною двойные рамы окон в детской остаются долее всего невыставленными, если в других комнатах зимою открываются изредка форточки для выветривания, в детской этого никогда не случается, дабы не простудить ребёнка, нигде не накаливаются печи до такой степени как в детской и всё это из любви к ребёнку.

И что же? Ребёнок разумеется в своей комнате не простуживается, но стоит ему лишь сделать один шаг вне её и он делается жертвою простуды, а иногда и смерти. Мало того, он постоянно дышит невыветренным, испорченным воздухом, что придаёт ему тот бледный, хилый, вялый вид, который так распространён между столичными детьми.

Почему бы, кажется, для той же цели, чтоб не простудить ребёнка, не приучать его с самого рождения к умеренной и даже свежей температуре? Ведь ребёнка можно приучить ко всему, что угодно. Последнее средство не только бы лучше содействовало цели – действительно не простуживать детей, но имело бы ещё ту бесценную выгоду, что можно было бы безбоязненно открывать окна в присутствии ребёнка, выпускать испорченный, негодный для дыхания воздух и выпускать свежий, неиспорченный воздух, вдыхание которого имеет столь важное значение для здоровья и общего благосостояния ребёнка. Сюда же относится вредная привычка мыть детей тёплой водою, опять таки для того, чтоб не простудить их, а на самом деле для того, чтобы скорее простудить и сделать их кожу бездеятельною, вялою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.